

А. Г. ГОЛОВАЧЁВА

Л. Н. Толстой и А. П. Чехов как прообразы героев романа П. А. Сергеенко «Дэзи»

1

Осенью 1898 года, поселившись на время в Ялте, Чехов не раз жаловался своим корреспондентам: «Здесь решительно нечего читать. В библиотеке журналы нарасхват, а книг нет...» (П 7, 347); «Пришлите-ка мне почитать. У меня нет книг, мне нечего читать, я каменею от скуки...» (П 7, 344). В этот период он получил две книги своего давнего приятеля Петра Алексеевича Сергеенко, только что изданные в Москве: мемуарно-биографический труд «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой» и художественное произведение — роман «Дэзи». Героем биографической книги был прямо названный реальный человек и писатель Лев Николаевич Толстой. В романе были представлены три главных вымышленных героя: профессор Казанцев, его дочь Маргарита (домашнее прозвище Дэзи, на английский манер) и молодой драматург и беллетрист Герливанов. Роман имел посвящение «графине Т. Л. Толстой», и за двумя его фигурами просматриваются вполне очевидные прототипы: профессор Казанцев — Л. Н. Толстой, его дочь Дэзи — Татьяна Львовна Толстая.

Параллельное чтение документальной и художественной книг Сергеенко позволяет выявить несколько эпизодов, подтверждающих правильность расшифровки прототипов. В биографической книге приведены слова кучера Толстых, который вез Сергеенко в Ясную Поляну:

«— Таких господ, как Лев Николаевич, — говорил он, — должно быть, больше нет на свете. <...> И всегда, кто бы ни был, генерал ли, простой ли человек, для них нет различия. Со всеми они одинаковы — вежливы, обходительны»*.

В романе отмечена та же черта Казанцева:

«Жизнь Казанцевых, их беседы, привычки и отношения к людям заметно начали отражаться на Герливанове. Он замечал это влияние

---

* Сергеенко П. Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой. М., 1898. С. 80.

и охотно подчинялся ему. В первый день приезда ему показалось бы странным пожать руку Осману. Впоследствии ему показалось бы странным, если бы он не пожал руки Осману потому только, что тот простой лодочник»*.

В книге о Толстом приведен эпизод, названный Сергеенко «характерным»:

«В разговоре с одним из присутствующих Л. Н. упомянул об известной книге Берты Суттнер — “Долой оружие!” — и сказал:

— Вы конечно читали эту книгу?

Тот утвердительно кивнул головою. Но должно быть его начала мучить совесть, что он сказал неправду Льву Толстому, и он пробормотал:

— Лев Ник-ч, содержание книги “Долой оружие!” мне действительно известно... но самой книги я еще не читал.

Л. Н. Толстой замял разговор и начал прощаться. Но мне показалось, что его очень тронуло признание собеседника, и он вполне оценил значение победы, которую тот одержал над собою**.

В роман введен эпизод с подобной оценкой нравственной победы, которую, под влиянием общения с Казанцевыми, одержал над собой Герливанов в разговоре с Дэзи:

«— Вы к отцу? — спросила она, подавая ему руку с обычным твердым пожатием.

— Да... — замявшись, ответил Герливанов.

— Если по делу, то идите. Он у себя в кабинете. Если же дела особенного нет, то лучше не беспокойте его теперь. Он очень дорожит утренней работой... Я до обеда тоже занята и теперь иду по делу, — сказала Дэзи, как бы извиняясь, что говорит с ним на ходу и не приглашает в комнату.

— Тогда я уж не буду его беспокоить, потому что, правду говоря, я шел к вам от безделья и хотел немного “покалякать”, как выражаются здешние бабы.

Дэзи извинилась и быстрой походкой направилась в переулок. Но ей очень понравилось, что Герливанов признался в сказанной неправде. Она не ждала от него этого» (109–110).

В биографической книге отмечен труд дочери Толстого: «Особенно много работает старшая дочь Л. Н. Толстого, Татьяна Львовна, девушка выдающаяся по своим дарованиям. Кроме спешной переписки статей отца, она еще ведет его огромную корреспонденцию»***. Эта черта от-

---

* Сергеенко П. А. Дэзи. М., 1898. С. 115–116. Далее страницы указываются в тексте в скобках.

** Сергеенко П. Как живет и работает... С. 5.

*** Там же. С. 84.

ношений в семье Толстых была отмечена и Чеховым при первом же знакомстве: «Дочери Толстого очень симпатичны. Они обожают своего отца и веруют в него фанатически», — писал он Суворину в 1895 году и делал вывод: «А это значит, что Толстой и в самом деле великая нравственная сила, ибо, если бы он был неискренен и не безупречен, то первые стали бы относиться к нему скептически дочери...» (П 6, 87). В романе «Дэзи» дочь известного профессора Казанцева ведет всю секретарскую работу: просматривает для отца иностранные журналы, делает на них отметки разноцветными карандашами, переписывает исправленные лекции, отвечает многочисленным корреспондентам; кроме того, принимает посетителей, помогает нуждающимся, учит детей бедняков. Эта сторона их отношений не только подчеркнута, но и прокомментирована в романе: «Казанцев как бы переживал в ней свою молодость в очищенном виде, а она тянулась к нему душой, как к образцу искренней жизни. Они дополняли собою друг друга: она вносила в его жизнь молодость души, он в ее жизнь — смысл и разумение» (112).

Ассоциации с Толстым поддерживает и фамилия профессора Казанцева — от Казани, города, где прошли университетские годы Льва Толстого.

К Толстому ведут и некоторые черты внешности этого героя: «старик с коротко подстриженной белой бородою и крупным мясистым носом» (65), — *коротко* подстриженная борода, по-видимому, должна была несколько затушевать сходство с реальным прототипом. Наряду с внешними деталями портрета, еще важнее те характеристики, которые создают внутренний портрет литературного героя, приближающий к прототипу, — они даны через впечатление Герливанова при первом знакомстве с Казанцевым: «В крупных чертах старика, с характерным широким лбом и густыми белыми волосами, было что-то знакомое ему и даже связанное для него с чем-то хорошим» (70–71).

Образ молодого писателя Герливанова также построен на ассоциациях, но более сложных и подразумевающих в первую очередь не реальное лицо, а литературный персонаж. Думается, это литератор Тригорин из пьесы А. П. Чехова «Чайка». Роман Сергеенко начинается с того, что в одном из петербургских театров идет премьера пьесы «Лад», автор которой — Михаил Герливанов, «молодой человек, в пенсне, с бледным интеллигентным лицом и возбужденным взглядом» (7). Он находится в том лихорадочном состоянии, которое создают одновременно переживаемые робость, тщеславие, взвинченная нервозность и опьяняющие мысли о власти над публикой: все четыре действия он не может найти себе места, весь антракт стоит в темном уголке, робеет выйти на вызовы; «сознание его как бы заволакивалось туманом» (8), и потом

еще «несколько дней он был, как в чаду, отдавшись подхватившему его течению новой жизни» (17). Состояние Герливанова созвучно тому, о котором рассказывает Тригорин по собственному опыту: «А в те годы, в молодые, лучшие годы, когда я начинал, мое писательство было одним сплошным мучением. Маленький писатель <...> кажется себе неуклюжим, неловким, лишним, нервы его напряжены, издёрганы <...> Я боялся публики, она была страшна мне...» и т.д.; заметим, что Тригорин также чувствует себя «как в каком-то чаду» даже в условиях признания и успеха (13, 29–30).

Уехав из Петербурга и поселившись на черноморском побережье Кавказа, Герливанов знакомится с Дэзи и профессором Казанцевым, которые поначалу привлекают его именно как литератора. «Ее отношения к отцу очень занимали Герливанова, — говорится в романе. — Он уже задумал построить на таких отношениях целую поэму» (112). В чеховскую пору идея творческого профессионализма, превращающего творца в потребителя и переработчика реальности в ущерб непосредственности душевных движений, была идеей времени; современники вычитывали ее в романах Э. Золя «Творчество» и Мопассана «На воде», а в отечественной литературе видели ее воплощение в чеховской «Чайке». Начиная разговор с Ниной Заречной, уже влюбленной в него, Тригорин не скрывает своего профессионального к ней интереса: «Мне приходится не часто встречать молодых девушек, молодых и интересных <...> и потому у меня в повестях и рассказах молодые девушки обыкновенно фальшивы. Я бы вот хотел хоть один час побыть на вашем месте, чтобы узнать, как вы думаете и вообще что вы за штука» (13, 28). Беседуя с ней, он каждое мгновение помнит о том, что его ждет неоконченная повесть, и признаётся: «Ловлю себя и вас на каждой фразе, на каждом слове и спешу поскорее запереть все эти фразы и слова в свою литературную кладовую: авось пригодится!» (13, 29). Нина становится для него материалом для будущего произведения — «сюжетом для небольшого рассказа», который тут же будет занесён в накопительную записную книжку и продолжит волновать его даже после того, как сама вдохновительница этого сюжета будет прочно забыта.

Интерес Герливанова к Дэзи сродни интересу Тригорина к Нине. Вместе они совершают прогулки, во время которых Дэзи собирает лекарственные травы (она изучает ботанику и медицину, чтобы лечить крестьян), а Герливанов накапливает в памяти свой литературный материал. «Отношение Дэзи к цветам очень заинтересовало Герливанова. Он старался запомнить интонацию ее голоса, позу и выражение глаз, когда она говорила о цветах. Его соблазняла мысль развить любовь к цветам в каком-нибудь женском образе, создать поэтическую сценку.

По свойству своего ума, он не мог воспринять в себя ни одного яркого впечатления, не отметив его как материал для будущих произведений. И в голове у него постоянно хранились целые склады всяких “человеческих документов”» (92–93).

Приземленным сравнением со «складами» в романе нарочно снижено то понятие, которое у Тригорина звучало гораздо поэтичнее: «моя литературная кладовая». Но мизансцена Дэзи и Герливанова на лоне природы вполне соответствует мизансцене Нины и Тригорина во время его писательских откровений. Герои «Чайки» находятся на берегу «колдовского» озера, оглядываясь на которое Тригорин говорит: «Ишь ведь какая благодать!.. Хорошо!» (13, 31); герои романа — на фоне прекрасного водного пейзажа, от которого разливается вокруг «неизреченная красота» (та же «благодать»):

«Герливанов смотрел на узенький листик и слушал Дэзи. Но мысли его были сосредоточены не на подорожнике, врачуящем лихорадку; он не мог оторвать глаз от безграничной водяной глади с необыкновенно эффектным освещением. И он думал:

— Господи, как хорошо здесь! И как красива эта группа: девушка со смеющейся девочкой в венке. Передать бы в красках или в стихах этот дивный вечер и всю эту “неизреченную красоту”, разлитую кругом!» (94–95).

Завершает сходство с Тригориним авторский комментарий по поводу Герливанова-писателя: «Он, увлеченный <...> новой работой, относился к Дэзи внимательно, но интересовался ее личностью больше как писатель, чем как человек. Некоторые ее черточки, выражения и мысли уже вошли в отраженном виде в его новую работу...» (145).

2

Параллели между Герливановым и Тригориним наводят на следующие размышления. Современники, зрители и читатели «Чайки», мемуаристы и вслед за ними исследователи отмечали в образе литератора Тригорина «личный элемент»* — автобиографические черты Чехова-писателя. А. С. Суворин в своем дневнике записал отзыв Льва Толстого о «Чайке»: «Лучшее в пьесе — монолог писателя — это автобиографические черты...»**. Так же судила о Чехове и Л. А. Авилова, раздраженная тем, что увидела «художественную оценку своей личности» в одном из чеховских сочинений. «Сколько тем нужно найти

* *Соболев Ю.* Чехов. Статьи. Материалы. Библиография. М., 1930. С. 71.

** *Л. Н. Толстой и А. П. Чехов.* Рассказывают современники, архивы, музеи / Статьи, подготовка текстов, примечания А. С. Мелковой. М., 1998. С. 229.

для того, чтобы печатать один том за другим повестей и рассказов. И вот писатель, как пчела, берет мед откуда придется...» — упрекала она Чехова и делала вывод, что у него «душу вытеснил талант». Конечно, сам Чехов совсем иначе оценивал ситуацию, и его ответ Авиловой сохранил скрытую полемику: мол, суждение о том, что писатели «живут и любят только в мире своих образов и фантазий» — это расхожее представление, и вообще: «чужая душа потемки» (II 7, 260, 608). Тем не менее подобное представление разделяли с Авиловой еще очень многие из общего литературного круга, в том числе и Толстой, утверждавший в одном из своих интервью о Чехове: «Он брал из жизни то, что видел, независимо от содержания того, что видел...»*.

Сходство писателей Герливанова и Тригорина позволяет предположить скрытое присутствие в романе «Дэзи» еще одного реального лица, а именно — Чехова. И если образ молодого, талантливого, известного беллетриста и драматурга Герливанова проецируется на Чехова, то на его счет относятся и основные характеристики Герливанова, которые пронизывают все повествование.

В первую очередь в романе констатировано очевидное отсутствие религиозного, христианского начала в жизни и творчестве этого героя. В пору наибольшего, как ему казалось, душевного сближения с Дэзи Герливанов получает от нее письмо, раскрывающее коренное различие их мировоззрений:

«Вы сказали, что у вас нет Бога. Это ужасно! Ведь без Бога нет и жизни. Но ни дать Его, ни указать Его вам никто не может. Ищите Его сами и вы, наверное, найдете Его, потому что Он везде и во всем чистом, добром, правдивом. И жить настоящей жизнью, это значит любить Бога, начиная со всего живущего и кончая высшим проявлением Его воли — человеком. Надо только любить истинной любовью, т.е. *любить любовь*** и ее проявление, а не проявления грубого чувства под именем любви. И когда вы полюбите такой любовью, вы непременно найдете и Бога... <...> истинное значение жизни в вас заслоняется литературным тщеславием» (220–221).

Герливанов влюбился в Дэзи и ожидает взаимности, не понимая долгое время, что «между ними лежит пропасть»: «Ведь он закоренелый языч-

* Там же. С. 287. Типичность такого мнения отражена в статье Н. К. Михайловского «Об отцах и детях и о г-не Чехове» (1890) в положениях, долго остававшихся непрекаемыми: «...г-ну Чехову всё едино — что человек, что его тень, что колокольчик, что самоубийца. <...> Г-н Чехов <...> гуляет мимо жизни и, гуляючи, ухватит то одно, то другое. Почему именно это, а не то? почему то, а не другое? Выбор тем г-на Чехова поражает своею случайностью» // А. П. Чехов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2002. С. 84–85.

** Здесь и далее курсив в цитатах соответствует источнику.

ник, эллин, верующий только в откровение форм, линий и красок. Она же истинная христианка, видящая в человеке отражение воли Божьей. Задача ее жизни — как можно больше *отдать себя* ближним. Его же задачей всегда было — как можно больше *взять от ближних*» (223).

Под влиянием общения с семьей Казанцевых в Герливанове назревает и происходит внутренний перелом. Он припоминает всю свою жизнь, вдумывается в свое прошлое, которое теперь вызывает стыд и раскаяние. «Что он сделал из могущественнейшего оружия — живого Слова?.. Смастерил несколько красивых бирюлек...». Осознав, что его талант был потрачен на пустяки, он сжигает толстую тетрадь с новой пьесой: «Зачем же опять эти красивые побрякушки?» (225). Теперь он видит перед собой совсем иную жизненную программу: «воспитать себя и увеличить внутреннюю ценность своей жизни...». Последние страницы романа передают его ощущение, что «в святилище его души начинается какое-то великое таинство» (228). Завершающая фраза романа: «В сущности, я обрел здесь *мое царство*, — мысленно сказал Герливанов» (229).

Авторские оценки и самохарактеристики Герливанова раскрывают позицию Сергеенко как приверженца идей «толстовства». Они соответствуют многим устным высказываниям Толстого, а также мыслям, выраженным в его трудах 1880-х — 1890-х годов, например — в работе «Царство Божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» (1890–1893). В романе «Дэзи» прочитывается очевидное намерение проиллюстрировать некоторые положения этого трактата, сравним: «Исполнение учения только в безостановочном движении — в постигновении всё высшей и высшей истины, и всё в большем и большем осуществлении ее в себе всё большей и большей любовью, а вне себя всё большим и большим осуществлением царства Божия»; «И стоит только каждому начать делать то, что мы должны делать, и перестать делать то, чего мы не должны делать, стоит только каждому из нас жить всем тем светом, который есть в нас, для того, чтобы тотчас же наступило то обещанное царство Божие, к которому влечется сердце каждого человека»*. Один из эпиграфов к трактату «Царство Божие внутри вас», взятый Толстым из Евангелия: «Познаете истину, и истина освободит вас (Иоан. VIII, 32)», в романе Сергеенко развернут в повествование о том, как «человек искренний» (142), добрый, но лишенный христианского мировоззрения, находит свой путь обретения христианских истин.

Наряду с идеями позднего «толстовства», в романе «Дэзи» встречается и перепев идеи ранней «кавказской повести» Толстого «Казачи».

---

* Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 28. М.: ГИХЛ, 1955.

Герой «Кзаков» Дмитрий Оленин без сожаления покинул Москву с ее утомительными светскими развлечениями и нашел новый источник духовности в казачьей станице на Кавказе. «Чем дальше уезжал Оленин от центра России, тем дальше казались от него все его воспоминания, и чем ближе подъезжал к Кавказу, тем отраднее становилось ему на душе. “Уехать совсем и никогда не приезжать назад, не показываться в общество, — приходило ему иногда в голову <...>” И совершенно новое для него чувство свободы от всего прошедшего охватывало его...» *. Герливанов, сопоставляя свое прошлое и настоящее, размышляет: «И как все это странно и дивно! Из Петербурга — сего всероссийского умственного центра, он бежит, как из зверинца. А в неведомом первобытном уголке Кавказа находит богатый родник умственных и духовных сил» (224).

Один из памятных мотивов «Кзаков» — «а горы...» в восприятии Дмитрия Оленина: «С этой минуты всё, что только он видел, всё, что он думал, всё, что он чувствовал, получало для него новый, строго величавый характер гор. Все московские воспоминания, стыд и раскаяние, все пошлые мечты о Кавказе, все исчезли и не возвращались более. “Теперь началось”, — как будто сказал ему какой-то торжественный голос» **. Отголосок этого мотива слышится в кавказских впечатлениях Герливанова: «Когда белые, похожие на вату облака сползали с горных вершин и расширяли перед ним панораму гор, ему казалось, что и с его души сползает какая-то мутная пена петербургской жизни» (106).

3

Оперируя различными мировоззренческими категориями, роман Сергеенко «Дэзи» в конечном счете проливает свет и на те разногласия, какие существовали между Чеховым и Толстым. Характеристики Герливанова, относящиеся к его «языческому» периоду, соответствуют устоявшимся суждениям о Чехове как в современной критике, так и — что еще важнее в данном случае — в многократных высказываниях Толстого. А. Б. Гольденвейзер записал 29 апреля 1900 года: «Говорили о Чехове и Горьком. Лев Николаевич, как всегда, очень хвалил художественное дарование Чехова. Огорчает его в Чехове отсутствие определенного мирозерцания» ***. П. А. Сергеенко отметил из разговоров Толстого в Ясной Поляне 5 июля 1900 года: «Я недавно вновь перечитал почти всего Чехова, и всё у него чудесно, но не глубоко,

* Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 3. М.: Худож лит., 1979. С. 161.

** Там же. С. 162–163.

*** Л. Н. Толстой и А. П. Чехов. Рассказывают современники, архивы, музеи... С. 250.

нет, не глубоко. С внешней стороны это перлы», но — если сравнивать «с прежними писателями» (Достоевским или самим Львом Толстым), которые всегда хотели сказать читателю самое лучшее, что есть в них, то — «у теперешних же писателей этого желания сказать что-то мне и нет. Особенно это ярко у Чехова»*. В более поздние годы в записях Д. П. Маковицкого отражены еще более резкие сожаления, что Чехов «несодержателен», что у него «бессодержательные темы» и «никакого убеждения: насмешки над всем, а во имя чего — неизвестно»; «он был умен, талантлив, но он не был мне близок. Во что он верил, один Бог знает»**. Как само собой очевидное, Толстой отмечал «то обстоятельство, что Чехов не знал и не нашел смысла жизни»***.

Многим было известно отрицательное отношение Толстого и к драматургии Чехова. Отмечал этот факт и Сергеенко: «Заговорили о драмах Чехова. Л<ев> Н<иколаевич> против них и считает увлечение ими публики чем<-то> вроде гипноза»****. В романе Сергеенко Герливанов представлен в первую очередь как драматург, причем имевший успех в Петербурге. На Кавказе, в кругу профессора Казанцева, его просят устроить чтение вслух его нашумевшей пьесы «Лад». Герливанов с удовольствием делает это, предполагая, что ореол известности поможет ему быстрее завоевать сердце Дэзи. Но, вопреки ожиданиям, он получает от Дэзи упрек: «Меня отталкивает в вашей пьесе антихристианская идея» (139). Потом она поясняет свое впечатление от его сочинения:

«— Творчество большинства современных писателей лишено идеалов и производит такое впечатление, как будто авторам нечего сказать от себя. Они талантливы, наблюдательны и образованы. <...> Но в их произведениях нет самого главного — духовности <...> произведения же, в которых нет духовности, не могут действовать и на душу читателя, должны быть причислены к праздным и вульгарным забавам.

Герливанов не стал возражать Дэзи <...> Но он не мог согласиться с ее положениями. Подобные требования он считал посягательством на верховные права писателя. По его мнению, от писателя можно требовать только хорошей формы, а не известных идей. И всё, выраженное изящно, интересно и красиво, достойно внимания читателя...

Но, тем не менее, замечания Дэзи смутили его. Он не мог отделаться от грызущей мысли, что он какой-то беспринципный писатель, произведения которого могут быть отнесены к вульгарным забавам.

---

* Там же. С. 251.

** Там же. С. 306.

*** Там же. С. 307.

**** Там же. С. 254.

<...> червячок опять подполз к его сердцу. “Его произведения — праздная забава! Он — беспринципный писатель!”» (141–143).

Приведенный отрывок, относящийся к Герливанову, весь построен на обвинениях, которые с разных сторон адресовались именно Чехову. Отсутствие идеалов как общее место критики в адрес Чехова отмечал А. М. Скабичевский*. Он же в запомнившейся Чехову рецензии записал автора «Пестрых рассказов» «в цех газетных клоунов» за то, что, «увешавшись побрякушками шута, он тратит свой талант на пустяки...»**. К писателям, которым нечего сказать от себя, относил Чехова Л. Н. Толстой. О пропадающем даром художественном таланте Чехова сокрушался Н. К. Михайловский***. К беспринципным писателям причисляла Чехова критика «Русской мысли», что вызвало не только протестующий ответ писателя редактору журнала В. М. Лаврову****, но и долго лежавшее на сердце «тяжелое чувство» (П 4, 57). Венчает этот обвинительный ряд высказывание Толстого, сделанное уже после смерти Чехова, но в принципе не отличающееся от более ранних утверждений: «Чехов — он великий талант, но внутреннего содержания не было у него»*****.

В «протолстовском» романе Сергеенко показан и пример исправления подобного недостатка: в результате общения с Казанцевыми Герливанов оценивает свою пьесу «Лад» как «филигранный вздор в качестве художественного произведения» (224), а потом и вовсе сжигает тетрадь с неоконченной новой пьесой.

Сжигание собственного сочинения как ритуальный акт отречения от прошлых заблуждений вводит в роман Сергеенко еще один интересный, гоголевский мотив, скрыто соотносимый с чеховским. Давая оценки Чехову, Толстой иногда сопоставлял его с Гоголем: «Он (Чехов) милый, я смеюсь, когда его читаю, но он был пустой, без нравственной закваски. А у Гоголя было и то и другое»; «Достоевский, Гоголь — это серьезные писатели, а Тургенев, Чехов — легкомысленные»^{6*}.

* «Г-н Чехов не раз уже имел несчастье терпеть страшное обвинение в отсутствии идеалов» // А. П. Чехов: pro et contra. С. 144.

** *Ле Флеминг* С. Господа критики и господин Чехов. Антология. СПб.; М., 2006. С. 503.

*** «И я не знаю зрелища печальнее, чем этот даром пропадающий талант» // А. П. Чехов: pro et contra. С. 84.

**** «Беспринципным писателем или, что одно и то же, прохвостом я никогда не был», — писал Чехов Лаврову 10 апреля 1890 г. Тем не менее он сознавал необратимость уже пущенного в оборот ярлыка: «Обвинение Ваше — клевета. Просить его взять назад я не могу, так как оно вошло уже в свою силу и его не вырubiшь топором...» (П 4, 56–57).

***** Л. Н. Толстой и А. П. Чехов. Рассказывают современники, архивы, музеи... С. 309.

^{6*} Там же. С. 307, 305.

Однажды сын Толстого Андрей Львович специально спросил отца, какого тот мнения о Тургеневе, и получил ответ: «Да так, самый пустой писатель. Содержания у него никакого не было. Вот Чехов тоже — большой талант, — но какими пустяками он занимался...»*. В другой раз Толстой пояснил: «Под словом — серьезный писатель, я понимаю такого, который занят серьезными вопросами жизни, вопросами религиозными. А ведь эти Тургеневы и Чеховы такими вопросами не интересовались. Они писали очень мило и хорошо, но серьезными писателями назвать я их не могу»**.

В романе «Дэзи» герои ведут разговор о «Мертвых душах» Гоголя, о сожженном втором томе, вспоминают и цитируют письмо к Плетневу, где говорилось о грандиозности замысла этого гоголевского труда: «как крыльцо ко дворцу, так и I-й том “Мертвых душ” относится ко II-му и III-му томам». Всю «серьезность» этой задачи именно в толстовском, «религиозном» понимании в романе Сергеенко раскрывают следующие рассуждения Дэзи и ее отца:

«И вообразите, что Гоголю удалось бы довести свой замысел до конца, т. е. найти в затаеннейшем уголке души Чичикова искорку, раздуть ее и озарить все существо Чичикова новым светом... Какие бы это были новые скрижали завета для изверившегося человечества! Какой законодатель или судья решился бы заговорить тогда о смертной казни, зная, что даже Чичиковы *Бога узрят!*..

Казанцев, слышавший издали голос Дэзи, поднялся и пошел навстречу. Узнавши о предмете беседы, он присоединился к мнению Дэзи и сказал:

— Такие ужасные явления, как убийства и казни, потому ведь только и существуют, что не для всех ясно, что в человеке находится божественное начало. Иначе кто же дерзнул бы посягнуть на него?» (155–156).

Все эти суждения, безусловно, из круга мыслей Толстого. Однако в данном случае они не противоречат и чеховскому мировоззрению: например, близкие мысли выражены в «Рассказе старшего садовника» — одном из рождественских сюжетов Чехова. Кроме того, в романе можно отметить еще два момента, соотносимых с конкретными произведениями Чехова: при характеристике взглядов Герливанова упоминается «мировая душа» (еще одна реминисценция из «Чайки»); любовное письмо к Дэзи герой вкладывает в книгу Лессинга — «Гамбургскую драматургию» (мотив, обыгранный в «Учителе словесности»).

---

* Там же. С. 304.

** Там же. С. 307.

4

По сути, сюжет романа Сергеенко основан на архетипической модели *учитель — ученик*, — но не в той уточненной формулировке *побежденный учитель — победитель-ученик*, которая рассмотрена И. Н. Сухих (см. в настоящем сборнике), — а в изначальном смысле: *мудрый наставник — и неофит*. Учительство у Сергеенко представлено собирательным образом семьи Казанцевых (читай: Лев Николаевич и Татьяна Львовна Толстые), ученик — писатель Герливанов (литератор типа Тригорина, читай: А. П. Чехов); причем акцент сделан не столько на том, что учитель обретает своего ученика, сколько на том, как ученик обрел своего учителя.

Однако в реальной жизни, в отличие от книжной истории, архетип не сложился (или был не столь очевиден, или был иным). Через несколько дней после получения книг от Сергеенко Чехов писал М. О. Меньшикову: «Читали книгу Сергеенки о Толстом? Он, т.е. Сергеенко, прислал мне две свои книги: о Толстом и повесть “Дэзи” — необыкновенно умственное произведение; действуют в повести не люди, а все какие-то сухие пряники. С<ергеенко> юморист, комик, но вообразил себя великим писателем, стал серьезен и засох» (П 7, 360–361). В ответном письме Меньшиков рассекретил не слишком большой секрет: «...Вы знаете, кто героиня “Дэзи”? — Татьяна Львовна. Я тоже получил рассказ этот от автора <...> Теперь автор “Дэзи” вместе с героиней пишут драму. Какая жалость, что таким хорошим, даровитым девушкам, полным жизни, как Татьяна Т<олстая>, вместо того, чтобы переживать поэмы, приходится писать драмы!»*

А далее в отношениях между Чеховым и Сергеенко обозначилась некая странность. Сергеенко послал свои книги Чехову в Ялту 3 декабря 1898 года. Чехов ответил ему 8 декабря: «Милый друг Петр Алексеевич, благодарю тебя от всего сердца, обе книги получил и прочел их с большим удовольствием. Вспомнить обо мне и прислать книги — это очень, очень любезно с твоей стороны; буду считать себя в долгу» (П 7, 357). Вслед за этим от Сергеенко пришло странное письмо, вызвавшее следующий ответ Чехова: «Милый Петр Алексеевич, едва я написал тебе, как пришло твое письмо. Ты пишешь: “Вследствие каких-то причин наши личные отношения принимают иногда какой-то колючий и нехороший характер”. Говорю тебе искренно, прямо от души — я не замечал ничего подобного. Отношусь я к тебе так же сердечно, так же по-дружески и по-товарищески, как относился всегда и, должно быть, буду относиться.

* Л. Н. Толстой и А. П. Чехов. Рассказывают современники, архивы, музеи... С. 149.

В наших отношениях я не замечал ничего дурного; я ломаю голову, стараюсь припомнить что-нибудь...» (П 7, 367–368).

Письмо, на которое Чехов дал столь успокоительный ответ, интересно и самой неожиданной попыткой объяснений со стороны Сергеенко, и отчетливо прозвучавшими там покаянными нотами. В этом письме ссылки на «нехороший характер» их отношений растворены в контексте других признаний и уверений: «...мне хочется сказать тебе несколько слов, которые не раз рвались из моей души. Вследствие каких-то причин наши личные отношения принимают иногда какой-то колючий и нехороший характер, оставляющий во мне осадок чего-то дурного. Между тем я питаю к тебе теплое чувство как к человеку и обожаю тебя как писателя. И мне всегда бывает больно и обидно, что я самое главное и хорошее между нами как-то загораживаю всяким хламом и оставляю в итоге вовсе не то, что составляет душу моих отношений к тебе. Думается, что это является отчасти вследствие чувствительного самолюбия, которому ты иногда наносишь уколы. Во всяком случае я во всём этом больше виноват, чем ты» (7, 687 *примеч.*).

Вот над этими покаянными признаниями в любви — в большей степени, чем над мнимой обидой — и стоило бы поломать голову Чехову: чем они вызваны и что они прикрывают. А может быть, он и понял, но не подал вида и предпочел свести всё к «хохлацкой мнительности» (П 7, 368) своего милого друга Петра Алексеевича. Ибо очень похоже, что повод для объяснений все-таки был, и содержался он в том же романе «Дэзи».

Дело в том, что сближений между литературным героем Герливановым и Чеховым как его предполагаемым прототипом — больше, чем раскрывается в архетипе *учитель — ученик*. За пределами этого архетипа остаются по меньшей мере еще два пласта текста: внешность героя и описание его петербургской жизни в вихре успеха и развлечений. А они существенно дополняют «чеховскую» составляющую образа Герливанова.

Детали внешности Герливанова рассеяны по всему роману, но, собранные вместе, в целом рисуют такой портрет: молодой человек «в пенсне, с интеллигентным лицом» (5), «с небольшой бородкой» (145), «худощавая фигура» (22), «обладает баритональным грудным голосом с едва уловимой хрипкой, напоминающей дрожание басовой струны» (18), знакомые находят его «интересным и симпатичным» (145). Он родом с юга, по дороге из Петербурга на Кавказ посещает родные места, напоминающие литературные пейзажи чеховской «Степи» и картины Донецкого края: «Многие забытые подробности южной жизни вызвали в нем забытые впечатления детства. Мелькнувшие на горизонте силуэты “ветряков”, махавших своими крыльями, блеснувший небольшой пруд с зелеными яворами, — все это наполнило его душу грустным очарова-

нием. <...> Перед ним тянулась рыжеватая, холмистая степь...» (40), упоминаются находящиеся в этом регионе угольные шахты.

Правда, некоторые из этих деталей не только биографичны для Чехова, но и автобиографичны для самого Сергеенко: он также уроженец юга, внешне был также худощав и к тому же черноволос, а у героя романа «длинные черные волосы» (116). Но затем в романе дается одно интересное сравнение: Герливанов, особенно когда он в пенсне, очень напоминает собою Альфонса Доде (157). Обратившись к портрету А. Доде, можно сразу увидеть, что с Сергеенко нет никакого сходства, а вот с Чеховым сходство есть, — при естественных различиях, внешность Чехова и Доде относится к одному типу «чеховского интеллигента» (как если бы у них был один стилист): взлохмаченные волосы, как на портрете молодого Антона работы Николая Чехова, «чеховская» борода, пенсне...

В отличие от рассредоточенных портретных деталей, петербургские страницы из жизни Герливанова изложены компактно и словно бы в другом жанре: не беллетристика, а фельетон. Получив в Петербурге признание как драматург, Герливанов с головой окунается в шумную жизнь:

«Каждый новый день приносил ему новых знакомых. Он начал посещать различные собрания и кружки. Новые знакомые ухаживали за Герливановым, как за каким-то принцем дружественной державы, и делали из него иногда за ужином нечто вроде десерта. Его все это очень занимало и трогало. Он начал тщательно следить за своей наружностью; завел модные галстуки, модные духи и из скромного домоседа, фанатически преданного своим “бумажкам”, превратился в завсегдатая модных ресторанов и всяких собраний, где бывал “весь Петербург”. <...>

За ресторанными завтраками и обедами у Герливанова завязывались новые знакомства с почитателями и почитательницами его таланта. Новые знакомые казались ему необыкновенно интересными и симпатичными. <...> И он проводил с ними дни, вечера и ночи, пьянея от вина и еще больше от присутствия красивых женщин.

Будучи по натуре очень самолюбивым, он редко говорил в обществе, избегая споров и боясь задеть чье-нибудь самолюбие. Но в небольшом кружке близких людей, и особенно в присутствии женщин, его нервная артистическая натура как бы разворачивалась, и он охотно вступал в беседу, быстро одушевляясь, когда заходила речь о каком-нибудь *красивом* произведении. Красота была его религией» (17–19).

Сказано, что всё это происходит «на 27-м году жизни» (26) героя. Герливанов здесь приближен к Чехову поры «Иванова» и ситуации его первого приезда в Петербург, когда 27-летний Чехов впервые почувствовал себя фаворитом судьбы и получил надолго закрепившееся за ним прозвище Потёмкина. И. Л. Щеглов, вспоминая этот первый

приезд Чехова в Петербург в конце 1887 года, так писал в мемуарах: «Этот месяц его пребывания в Петербурге вышел словно “медовый месяц” чеховской славы, и сам Чехов заметно был захвачен искренним радушием, теснившим его со всех сторон. Отличавшийся чисто хохлацкой замкнутостью, Чехов в этот раз против воли сбивался со своего основного сдержанного тона и распахивался подчас с юношеской беззаботностью»*. Вслед за тем постановка «Иванова» принесла Чехову новые «питерские оvationи и успехи» (ПЗ, 157) и еще более расширила круг его знакомств. Обобщая ситуацию, Щеглов впоследствии рассказывал о том, что было хорошо известно в широком литературном кругу: «...в Петербурге, куда он наезжал изредка и где временно отдыхал от всяких работ и забот, заглавную роль играл пиршественный стол — понимая, разумеется, это слово в широком символическом смысле. Оттого, в большинстве своих писем, он всегда с такой теплотой вспоминает свои петербургские дни, своих петербургских друзей и разные петербургские мелочи. <...>

О тогдашних “петербургских свиданиях” нечего и говорить: теперь, издали, они мне представляются какой-то непрерывной вереницей радостных тостов во славу русской литературы в лице Антона Павловича, бывшего повсюду почетнейшим застольным гостем. Числа и месяцы в этой суматохе невольно спутываются... То встречаешь с Антоном Чеховым Новый год у Суворина, то справляешь вместе “капустник” у артиста Свободина, то присутствуешь на импровизированной в честь Чехова литературно-музыкальной вечеринке у старика Плещеева... Сегодня устраивается в “Малом Ярославце” торжественная “кулебяка” в день ангела Чехова, а спустя дня два сам Чехов тащит меня на Васильевский остров “на блины” к какому-то совершенно неведомому мне хлебосольному помещику — само собой разумеется, ярому поклоннику А. П.»**.

То, что изливается у Щеглова неудержимым потоком дружелюбия, что известно по ироничным чеховским письмам и элегичным свидетельствам других мемуаристов, на страницах романа Сергеенко прозвучало с нескрываемыми завистливыми нотками. Прототипическая ситуация исказилась, словно в кривом зеркале, приблизившем изложение к пасквиллю; поистине, «всё хорошее» оказалось «как-то загорожено всяким хламом»...

Своего рода послесловие данному литературоведческому сюжету можно найти в творчестве И. А. Бунина, сделавшего явными скрытые

---

* Щеглов И. Л. Из воспоминаний об Антоне Чехове // Чехов в воспоминаниях современников. М., 1954. С. 139–140.

** Там же. С. 148–149.

акценты в отношениях между Чеховым и Сергеенко. Размышляя о преждевременной кончине Чехова, Бунин утверждал: «Смерть его ускорила простуда. После приезда в Москву из Ялты он пошел в баню и, вымывшись, оделся и вышел слишком рано: встретился в предбаннике с Сергеенко и бежал от него, от его навязчивости, болтливости...

Это тот самый Сергеенко, который много лет надоедал Толстому («Как живет и работает Толстой») и которого Чехов, за его худобу и длинный рост, неизменно черным костюм и черные волосы, называл так:

— Погребальные дроги стоймя»*.

Бунинские оценки согласуются с тем, что сам Чехов писал Суворину в августе 1898 года: «С Сергеенко я учился в гимназии; это был комик, весельчак, остряк, но как только он вообразил себя великим писателем и другом Толстого (которого, кстати сказать, он страшно утомляет), то стал нуднейшим в мире человеком. Я боюсь его, это погребальные дроги, поставленные вертикально» (П 7, 257).

В 1909 году Бунин написал рассказ «Старая песня», который позже, при переработке в 1926 году, получил название «Маленький роман». В центре рассказа двое, герой и героиня, случаются несколько встреч — из тех, что внешне ничего не меняют, но оставляют зарубки на сердце. И есть еще третий — со странной фамилией Эль-Маммуна, тот, кто считается женихом, а после становится мужем. Героиня сообщает об этом в письме: «...скоро я стану графиней Эль-Маммуна... Почему? Не знаю... Просто потому, что я его боюсь»**. Этот третий — персонаж какого-то иного мира, вроде мира Эдгара По. У него характерная внешность: «непомерно высокий, худой и широкоплечий человек лет тридцати, с голым черепом, чудесной черной бородой и блестящими глазами»***. В письме героини сказано: «Это не человек, а какие-то погребальные дроги. Я ненавижу его всей душой!»****

Это сравнение и выраженная эмоция — дань Бунина памяти Чехова. Взятый на себя роль судьбы общего — житейского и литературного — прошлого, Бунин таким образом — литературно — «отомстил» за своего друга Антона Чехова.

* Бунин И. О Чехове // Путешествие к Чехову. М., 1996. С. 481.

** Бунин И. А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М., 1956. С. 305.

*** Там же. С. 306.

**** Там же. С. 308.